

Щедрый Ливайн...

ВЧЕРА ВЫДАЮЩИЙСЯ АМЕРИКАНСКИЙ ДИРИЖЕР ВЫСТУПИЛ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ МОЛОДЕЖНЫМ ОРКЕСТРОМ

Вел. Москва - 2003 - 28 окт. - С. 6

■ Наталья ЗИМЯНИНА

На репетиции маэстро чувствовал себя великодушным римским императором

Трудно поверить в приезд маэстро. Человек, более 30 лет работающий в «Метрополитен Опера», ее художественный руководитель, известен нам лишь по видеозаписям да редким трансляциям по телеканалу «Культура».

Тем не менее в эти первые снежные дни Джеймс Ливайн оказался в Москве. В понедельник под его руководством в консерватории играл созданный им трогательный Молодежный оркестр фестиваля «UBS — Вербье». 108 музыкантов 34 национальностей ежегодно отбираются по всему миру. Берут сюда с 17 лет, и сейчас тут, кстати, играют 10 русских, украинец, казах, азербайджанец и узбек — такое разноцветье и в московских оркестрах диво.

Окончание
на 6-й странице

Щедрый Ливайн пустил в ход все свое обаяние

Вел. Москва - 2003 - 28 окт. - С. 6

Окончание
Начало на 1-й странице

Все воскресенье в Москве отчаянно репетировали — Восьмую симфонию Дворжака, Пятую Прокофьева.

Ливайн — большой человек с ореолом непослушных волос. На репетиции, с полотенцем, перекинутым через левое плечо, похож на древнеримского императора в тоге. Серьезный, но не сердитый, точен и подробен в замечаниях. Самое ценное: «Каждую секунду вы должны быть уверены в характере музыки!».

Предельно корректен: «Веригуд», — говорит он и останавливает оркестр то красноречиво вытянув раскрытую ладонь, то безнадежно ею махнув, то молитвенно сложив руки: «Сорри!» И оркестр в десятый раз переи-

рывает одно и то же место. Должен же Прокофьев по-советски провести нарезом по сердцу, а Дворжак — по-славянски утешать его. Скрипачки — почти сплошь девушки. Фаготист и фаготистка сзади — просто Ромео и Джульетта.

На воскресной вечерней пресс-конференции Ливайн рассказывал о Розине Левиной — той самой, которая подарила когда-то конкурсу Чайковского и миру Вэна Клайберна. Выдающийся педагог, импортировавшая в Америку русскую школу, она в свои 80 лет была чрезвычайно деликатна с 15-летним Джимми. Ей хватило прозорливости понять, что она воспитывает не пианиста (хотя Ливайн блестяще играет), а дирижера. Более того, она интересовалась его

мнением по поводу ее собственных интерпретаций!

С русской музыкой, впрочем, у Ливайна отношения сложные. Он признается: чтобы по-настоящему дирижировать, например, «Хованщиной», надо знать слишком много русских реалий. С «Евгением Онегиным» легче: по крайней мере, есть исчерпывающий набоковский комментарий.

Но кумир его — Мравинский. Ливайн почитает его за идеал и считает, что так близко к замыслам композиторов не подходил никто.

Сам концерт в понедельник собрал немало профессиональных музыкантов — даже просто поглазеть на живого Ливайна уже престижно. Симфоническая юношеская сборная мира состояла поистине из отличников учебы. Тех-

нически они довольно слаженно справились с «Чудесным мандарином» Бартока. Но если жутковатый сюжет балета оказался им, выросшим на триллерах, близок и вызвал некоторый азарт, то с Пятой симфонией Прокофьева дело обстояло хуже.

Так вот почему на репетиции Ливайн снова и снова заставлял повторять оркестр знаменитое прокофьевское скерцо! Этим почти детям всех народов так и осталась недоступна прокофьевская изощренность, двойственность пафоса (созидательность плюс тоталитаризм — вот то, на чем мы все трагически погорели). Никакой дьявольской полетности, перепадов, никакой жути, свалившейся на европейского Прокофьева по возвращении на родину — молодежь на знания ре-

алий не потратилась. Получилось так, кошки-мышки какие-то, гурелки-догонялки. А ведь недаром Ливайн требовал на репетиции ежесекундного осознания состояния! Но нет, публика нигде не поежилась, не вздрогнула, не растаяла в наслаждении.

Девчонки-скрипачки играли как у Светланы Безродной — не хуже, но и не лучше. Там, где можно было взять с поверхности заводную энергетику — Ливайн ее брал. Но за бортом осталось главное: «Для чего?» А одним своим необъятным обаянием весь оркестр не накачаешь. Ни ярости, ни нежности всех скопом не научишь.

Открытая жизнерадостность Дворжака (в отличие от Прокофьева с его подвохами) оказалась оркестру понятнее. Но хоть

настроения здесь более длительны, тонкости, изящества, да и певучести опять не достало.

А-зал все равно был в восторге. На бис звучали танцы Брамса и Дворжака. Со сцены светились такие улыбки! Не счастье ли поработать, пусть и коротко, но вплотную с корифеем? Кто-то через год, кто-то лет через 5-6 попадет в «Метрополитен» или Венский филармонический оркестр. И там, уже в сильной, опытной стае, расправит крылья и проникнется заводом и мистическим мерцанием Прокофьева, полевой свежестью Дворжака.

А пока что щедрый, мудрый, но не всемогущий Ливайн везет молодых счастливицев в Мюнхен, Париж, Люцерн и Базель. Кто скажет, что им не повезло?